

JEL classification: D74, P32, N33
УДК 94(47).08
DOI 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639

А.К. Кириллов

*Институт истории СО РАН,
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

СТОЛКНОВЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И СТАРОЖИЛОВ В СИБИРИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ СТОЛЫПИНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ: ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Статья подытоживает изучение автором ряда конфликтов между крестьянами-старожилами Томской губернии и переселенцами конца XIX — начала XX вв. Именно в этом регионе осела основная часть переселенцев, изменивших облик Сибири в начале XX столетия. В документах, начиная с 1880-х гг., сохранились сведения об острых столкновениях между русскими крестьянами-старожилами и крестьянами, перебравшимися из Европейской России. Новизна исследования состоит в том, что автор рассматривает эти столкновения в свете подходов, принятых в социологических исследованиях. Рассматривая конфликт как функцию (а не дисфункцию) общества, автор обнаруживает существенные различия между столкновениями конца XIX в. и конфликтами начала XX в. Первые обнаружили противоположные интересы, ни одним из которых невозможно было пожертвовать без ущерба для развития страны. Это побудило власть создать систему регулирования переселения, в рамках которой противоречия могли сглаживаться. Вторые были вызваны уже противоречиями созданной властями системы и не привели к каким-либо качественным ее изменениям.

Ключевые слова. Социальные конфликты, крестьянские миграции, Великое Сибирское переселение, пореформенная Россия.

Информация о статье. Дата поступления 19 октября 2019 г.; дата принятия к печати 31 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2019 г.

A.K. Kirillov

*Institute of History of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

CLASHES BETWEEN RESETTLERS AND OLD-TIMERS IN SIBERIA ON THE EVE AND DURING THE STOLYPINSKY REFORM: FUNCTIONS OF SOCIAL CONFLICT

Abstract. The article provides a summary of the author's research of a number of conflicts between peasant old-timers of Tomsk province and immigrants of the late XIX – early XX centuries. It was in this region where the majority of immigrants, who changed the face of Siberia, resettled. The documents dated back to 1880s included information about violent clashes between locals and peasants who moved from European part of Russia. The scientific novelty of the study is that it utilized social research methods to study those phenomena. Seeing a conflict as a function (and not as a disfunction) of the society, the author found major differences between clashes at the end of the XIX century and at the beginning of the XX century. The clashes at the end of the XIX century involved conflicting interests that could not be neglected without causing damage to the development of the country. It prompted the authorities to create a system for regulating resettlement and mitigate any conflicts. The clashes at the beginning of the XX century were caused by the contradictions of the system itself, and did not lead to any substantial changes.

Keywords. Social conflicts, peasant immigration, Great Siberian resettlement, post-reform Russia.

Article info. Received October 19, 2019; accepted November 29, 2019; available online December 28, 2019.

Одна из классических теорий конфликта в социологии принадлежит Льюису Козеру. В отличие от многих своих коллег он сосредоточил основное внимание не на том, как можно избежать разрушительных конфликтов, а на том, какой в них смысл. «Нас

интересуют, — писал Козер, — скорее функции, а не дисфункции социального конфликта, то есть те его последствия, которые служат усилению, а не ослаблению адаптации и приспособляемости конкретных социальных отношений или групп» [1].

Речь идет о том, что конфликт может играть положительную роль, устраняя устаревшее и открывая дорогу современному, более отвечающему наличным объективным условиям. В эпоху молодежных волнений и выступлений, которые, как казалось многим, надо просто подавлять и устранять, Козер предлагал подумать о том, что надо изменить в устоявшихся общественных отношениях; какие устои сохранить, а какие изменить. Говоря о предшественниках, воспринимавших конфликт так же, как он сам, Козер объединял их идеи таким образом: «Когда они видели, что некоторые виды общественных конфликтов имеют отрицательные черты, разрушительные для структуры общества, они подчеркивали не столько необходимость "приспособления" к существующим правилам игры, сколько необходимость коренных реформ» [2].

При этом Козер отделял объективные предпосылки (наличие враждебных отношений, или антагонизма, из которого конфликт может получиться, а может и не получиться при достаточно сильных сдержках) от действительно случившегося конфликта, уделяя первостепенное внимание не абстрактным условиям, влияющим на всех одинаково, а конкретным обстоятельствам, приведшим к столкновению.

Не абсолютизируя конфликт как средство проявления потребности в переменах, Козер разделял конфликты на реалистические и нереалистические. Даваемые им определения тех и других довольно расплывчаты и вряд ли применимы, но они ценны тем, что усложняют картину. Козера нельзя упрекнуть в том, что он покорно следует за событиями по принципу «все сущее разумно». Предлагаемая им постановка

вопроса требует тщательного разбора обстоятельств конфликта для того, чтобы особо рассматривать случаи, когда конфликт становится следствием объективно сложившихся новых условий жизни, которым противоречат старые порядки, старые неписанные законы.

Совсем другой вопрос поставила во главу угла Бет Рой, которую вывели на социологические размышления не академические штудии, а многолетняя практическая работа по разрешению конфликтов. В своей неоднократно переизданной книге [3] она излагает рассказы свидетелей давно случившегося столкновения в одной из деревушек, затронутых индо-пакистанским конфликтом. Наиболее емкая формулировка интересующей ее проблемы — «как люди решают создать группы и действовать, чтобы изменить окружающий их мир» «Я не верю, что бунт в Панипуре был неизбежен» — пишет Бет Рой; в этих словах — и ее отношение к жизни, и цель исследования: понять, чтобы предотвратить [4].

Но когда Бет Рой делает выводы из собранных сведений, она тоже выходит на вопрос об объективных силах, определяющих развитие конфликта: «Столкновение стало проявлением изменившейся действительности, и в свою очередь изменило эту действительность» [там же] Теоретик Козер и практик Рой, в конце концов, сходятся в представлении о смысле общественного конфликта. Видимо, не случайно два десятилетия спустя Бет Рой стала одним из авторов статьи, призывающей к диалогу между медиаторами-практиками и исследователями общественного движения [там же].

Одно из условий, создающих основу конфликта — массовое переселение. Историкам хорошо известно стольпинское переселение — перемещение миллионов крестьян из Европейской России в Сибирь в годы премьерства П.А. Столыпина [5–8]. Включая краткие стольпинские годы в контекст всей истории движения раскрепощенных российских крестьян на восток,

Д. Тредголд назвал этот процесс Великим Сибирским переселением [9].

Столкновения между переселенцами и старожилами по ходу Великого Сибирского переселения — явление распространенное. В последние годы автору этих строк в компании разных соавторов довелось посвятить ряд статей разбору наилучшим образом документированных случаев таких столкновений [10–14; 2]. Подробный разбор каждого отдельно взятого случая позволил увидеть ряд тонких явлений, которые характеризуют проблемы сибирского переселения и объясняют логику действия его участников — российских крестьян. Стало ясно, что конфликты переселенцев и старожилов вырастали из их обоюдогодного сотрудничества в первые годы после переселения; и среди переселенцев, и среди старожилов были группы, готовые к мирному сотрудничеству, и лишь часть крестьян проявляла непримиримость; крестьяне с обеих сторон отлично умели бороться за свои интересы, используя и лазейки в законе, и риторику в духе государственной идеологии.

Но до сих пор все эти случаи рассматривались скорее с точки зрения ответа на вопрос: *как* случился конфликт. Остается открытым вопрос, *почему* он случился. Важно понять, говоря словами Бет Рой, были ли эти столкновения проявлением изменившейся действительности и изменили ли они эту действительность. Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь на материалы всех шести случаев, подробно описанных в предыдущих статьях.

Некоторые трения между старожилами и переселенцами можно обнаружить уже в 1870-е гг., но острые конфликты разразились в начале 1880-х. Старожилы стали требовать выдворения переселенцев, ухода их в другие места; переселенцы — прекращения погромов, предоставления им возможности использовать надел в тех селениях, где они остановились. Формально говоря, старожилы были безусловно правы: претендовать

на надел по закону имели право лишь жители, причисленные к данному сельскому обществу.

Механизм причисления был хорошо известен: требовалось получить от сельского схода приемный приговор. Многие переселенцы, приехавшие в 1870-е гг., успели такой приговор получить — кто бесплатно, а кто и за деньги. В деревне Харловой (Кольванская волость Бийского округа) в начале 1890-х гг. невыедача приемных приговоров (в обмен на уже уплаченные деньги) даже оказалась в центре переселенческого конфликта¹. Как выяснилось после долгого разбирательства, основой столкновения стала довольно изощренная махинация переселенческого разведчика (ходака), который заплатил за два приемных приговора, а вернулся с полусотней односельчан.

Таким образом, речь не идет о том, что конфликты произошли из законодательного вакуума. Законодатель подобные случаи предусмотрел, и технология причисления входила в число азов крестьянской жизни. Переселенцев, не имеющих приемных приговоров, следовало по требованию общества силой выдворить с занятых ими земель.

Однако руководители Томской губернии ни в 1880-е, ни в 1890-е гг. не использовали такой меры. «Ввиду... совершенной невозможности выселения из села Ново-Тырышкинского всех непричисленных переселенцев в назначенный для того срок 1-го Июня, без крайнего для них разорения и возбуждения серьезных беспорядков, неизбежных в безвыходном их положении, — я... отсрочил переселенцам окончательное выселение»², — так в 1884 г. докладывал губернатору председатель губернского правления Н.Н. Петухов. Проблема, таким образом, сформулирована четко: если действовать строго по закону, переселенцам придется второй раз начинать жизнь с нуля, что будет для

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-3. Оп. 45. Д. 42.

² ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 76.

них чрезмерным потрясением. Требуя от переселенцев выехать, власть в то же время не разрешала старожилам их притеснять и устанавливала все новые сроки выезда по мере того, как старые переселенцами нарушались.

Внимание на проблему обратили и столичные чиновники. В 1881 г. были приняты временные правила о переселении, признавшие, что придется разрешать переселение «лиц, хотя и не имеющих по действующему закону на то права, но экономическое положение коих к тому вынуждает»³. Началась подготовка постоянной системы. Для уяснения проблем и возможных путей их решения в 1884 г. от МВД были командированы чиновники особых поручений специально «для ближайшего содействия переселенцам» в Сибири (в частности, такой чиновник оказался и в Томске)⁴. В 1889 г. неспешный законодательный процесс наконец завершился специальным законом, который, с одной стороны, предоставил переселенцам льготы, но с другой — обусловил переселение необходимостью предварительно получать разрешение властей⁵. После этого оставалось только «ликвидировать» последствия бывшего законодательного вакуума — переселенцев не причисленных, но живущих на самом деле. Закон от 27 апреля 1896 г. разрешил переселенцев Алтайского округа, уже ведущих крестьянское хозяйство, причислять даже вопреки желанию старожилов (закон не имел силы для тех, кто переселится позже)⁶.

³ Справка Земского отдела МВД об истории переселения до 1892 г. // Сибирские переселения : сб. док. Новосибирск, 2006. Вып. 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. С. 38–48. URL: <http://sibistorik.ru/project/peres2/1-1.html>.

⁴ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 110-11 об.

⁵ О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных условий, переселившихся в прежнее время № 6198 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3, т. 9. СПб., 1891. С. 535–538.

⁶ Об устройстве переселенцев Алтайского округа, ведомства Кабинета Его Величества. № 12837 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3, т. 16, ч. 1. СПб., 1899. С. 323–324.

Власти, таким образом, уловили суть проблемы. Они поняли, что столкновения неизбежно будут происходить, откуда переселенцы подселяются в старожильческие селения. Дело в том, что старожилы и переселенцы имели разные представления о том, сколько должно быть земли у крестьянина. У себя на родине переселенцы привыкли жить в условиях нехватки земли. 15-десятичную норму воспринимали как раздолье, для них это была ступенька вверх на пути к благосостоянию — то самое, зачем и ехали тысячи верст. Для старожил, напротив, это была ступенька вниз: отказ от неограниченного простора.

Речь не шла о том, что переселенцы захватят земли, которые старожилы уже пахут. Переселенцы претендовали на то, чтобы занять земли не используемые, но это уничтожало тот самый «запас», который и обеспечивал старожилам возможность сохранять свои владения от переделов после того, как подрастет новое поколение жителей деревни. Переделы земель в общине были привычным делом для крестьян Европейской России, но Сибирь только-только вступала на этот путь [15]. Обострение земельного вопроса у крестьян замедлял механизм «ползучей колонизации», о котором пишет Е.В. Леонтьев [16]. После того, как подрастали дети, сибирские крестьяне создавали заимки в тех местах, где еще никто не пахал — но на таком расстоянии, чтобы за день можно было доехать от деревни до заимки. Со временем эти заимки превращались в постоянные поселения, вырастали новые деревни. Конечно, для создания такой заимки требовалась база — крепкое хозяйство в старожильческой деревне. И все-таки создание заимки было трудоемким даже для старожильческого хозяйства. Получилось, что волна переселенцев поставила западносибирских крестьян перед необходимостью менять весь уклад хозяйства.

Конфликты старожил и переселенцев выливались зачастую в «узкие» требования, например, где-то

старожилы просили 50, где-то — 100 р. с души мужского пола за приемный приговор, а переселенцы отказывались платить. Но это не был частный вопрос о мере жадности, это была коренная проблема. С одной стороны баррикады оказались старожилы, вынужденные или менять завещанный отцами уклад жизни, или уходить в неосвоенные места, с другой — переселенцы, уже один раз начавшие жизнь с начала и потому еще более уязвимые для новых потрясений. С обеих сторон положение выглядело отчаянным.

В этих условиях закон 13 июля 1889 г. предложил коренное решение. Переселенцам было предписано селиться только с разрешения властей, причем на специально отмежеванных участках. Предлагалось сначала прислать ходоков, зачислить землю, а затем уже возвращаться с семьей. Становлению хозяйства должны были помочь домообзаводственные ссуды от правительства, размер и основания выдачи которых активно обсуждались все 1890-е гг.⁷ По мере роста переселенческого движения щедрость чиновников стремительно уменьшалась, но все-таки речь шла как минимум о десятках рублей, что должно было стать неплохим подспорьем для устройства хозяйства без помощи старожилов.

Таким образом, переселенческий поток был отведен в сторону от старожильского «волнореза». Те же, кто успел поселиться на новом месте еще при старой системе, в 1896 г. получили своего рода индульгенцию: их оставили жить там, где они поселились. Власть встала выше былых нарушений закона переселенцами, поступилась интересами старожилов в этих отдельных случаях. Зато массовое переселение можно было начинать с чистого листа.

Однако новая система накладывала определенные ограничения. Теперь требовалось безоговорочное со-

⁷ Сибирские переселения : сб. док. Новосибирск, 2006. Вып. 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. Разд. 3. С. 88–177.

блюдение заданных правил, но сведений часто было недостаточно, отмежеванных участков не хватало, да и чиновники не всегда действовали без ошибок. Поэтому конфликты не удалось предотвратить совсем. Можно предположить, что острых столкновений стало меньше, но они не прекратились. Два из шести наших случаев относятся именно к стольшинским годам, среди них и самый ожесточенный сартаковский конфликт, окончившийся (уже в годы мировой войны) двойным убийством.

Власть по-прежнему пыталась и в Ново-Шульбинском, и в Сартаково подтолкнуть стороны к примирению, избегая прямолинейных силовых решений. И там, и здесь переселенцы были не менее изобретательны и не менее настойчивы, чем их предшественники два-три десятилетия назад. Но и в Ново-Шульбинском, и в Сартаково переселенцы проиграли.

Исход этих конфликтов не лишен субъективного оттенка: в определенный момент сартаковское общество ходатайствовало «о сохранении в границах надела земельного излишка, но с обязательством допринять на него по приемным приговорам»⁸, — другими словами, старожилы не спорили с появлением новоселов как таковых, но отказывались терпеть именно этих, о которых уже успели достаточно узнать. Это, конечно, проявление личного фактора. Но и, говоря объективно, действия переселенцев противоречили действующим законам (как и прежде), а потенциал изменения действующей системы был исчерпан (и это — новое).

Подытожим изложенное выше. Конфликты 1880-х — первой половины 1890-х гг. — это конфликты, которые можно назвать производительными («реалистичными», выражаясь в понятиях Л. Козера) [17]. Они были связаны с тем, что сама жизнь изменилась: переселенческое движение вступило в противоречие с

⁸ ГАТО. Ф. Ф-3. Оп. 12. Д. 1382. Л. 17 об.

традициями старожильского населения, на стороне которых стоял закон. Осознав это новое явление и стараясь не жертвовать ни старожилами, ни переселенцами, власть в свою очередь создала нечто прежде небывалое — систему, призванную устранить объективную основу для конфликтов старожилов и переселенцев.

Это не предотвратило новых столкновений вовсе, но ограничило пространство для них. И главное — конфликты стольпинского периода уже не в состоянии были ничего изменить. Потенциал перемен, который несли в себе горячие схватки 1880-х гг., сполна воплотился в системе государственной поддержки и одновременно государственного контроля переселений. На основе этой системы и разворачивалось стольпинское переселение, сыгравшее столь важную роль в развитии Сибири. Старожилы и переселенцы 1880-х — первой половины 1890-х гг. боролись, казалось, за то же самое, что и их более поздние «преемники». Но именно на этой — незначительной — стадии Великого Сибирского переселения крестьянские конфликты сыграли производительную роль, в то время как конфликты стольпинской поры явились напрасными вспышками насилия.

Список использованной литературы

1. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. — Москва : Идея-Пресс, 2000. — 208 с.
2. Kirillov A.K., Karavayeva A.G. For the Sake of Faith or for the Sake of Land? Religion as a Factor of Conflicts Between Migrants and Old Dwellers in the Course of the Great Siberian Migration (Evidence from the Ognevo Village, Biysk District) / A.K. Kirillov, A.G. Karavayeva // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 11, № 9. — С. 1399-1411.
3. Roy B. Some Trouble With Cows. Making Sense of Social Conflict / B. Roy. — Oakland : Univ. of California Press. 1994. — 256 p.
4. Roy B. A Conversation Between Conflict Resolution and Social Movement Scholars / B. Roy, J. Burdick, L. Kriesberg // Conflict Resolution Quarterly. — 2010. — Vol. 27, no. 4. — P. 347-368.

5. Разгон В.Н. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация / В.Н. Разгон, А.А. Храмков, К.А. Пожарская. — Барнаул : Азбука, 2013. — 348 с.
6. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л.Ф. Скляров. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 588 с.
7. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. — Красноярск: [б. и.], 1962. — 565 с.
8. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. — Москва : Памятники ист. мысли, 2001. — 302 с.
9. Treadgold D. The Great Siberian Migration. Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War / D. Treadgold. — Michigan : Princeton Univ. Press, 2016. — 298 p.
10. Кириллов А.К. Переселенческо-старожильческие конфликты на заре Великого сибирского переселения (1870-е — 1880-е гг.): штрихи к портрету российского общества / А.К. Кириллов, А.Г. Караваева, Н.Н. Самульцева // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2017. — № 4. — С. 44–53.
11. Кириллов А.К. Сельскохозяйственные ресурсы общего пользования в западносибирской деревне : механизм возникновения старожильческо-переселенческих конфликтов в 1870–1890-е годы. Антоньевский случай / А.К. Кириллов, М.А. Гордеева, А.Г. Караваева // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 1. — С. 193–218; № 2. — С. 359–383.
12. Кириллов А.К. Игра по юридическим правилам: использование крестьянами начала XX в. юридических тонкостей в борьбе за свои интересы (Ново-Шульбинское противостояние старожилов с переселенцами) / А.К. Кириллов, А.Г. Караваева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 43–49.
13. Кириллов А.К. Скрытые технологии Великого сибирского переселения: взлом старожильского общества переселенцами (Харловский конфликт 1893 года) / А.К. Кириллов, А.Г. Караваева. — DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).479-513 // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19, № 4. — С. 479–513.
14. Шиловский М.В. Не на жизнь, а на смерть: сартаковский спор о праве на причисление как образец внутрикрестьянского конфликта столыпинской поры / М.В. Шиловский, А.К. Кириллов, А.Г. Караваева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 406. — С. 169–181.

15. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. / А.А. Кауфман. — Санкт-Петербург : Кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, 1897. — 278 с.

16. Леонтьев Е.В. О регистрации переселений сибирских крестьян в дореформенный период (по материалам Абаканской и Новоселовской волостей Минусинского округа) / Е.В. Леонтьев // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII–начало XX века) : сб. тр. конф. / под ред. М.В. Шиловского. — Новосибирск, 2014. — С. 59–66.

17. Coser L. *The Functions of Social Conflict* / L. Coser. — New York : Routledge, 2011. — 188 p.

References

1. Coser L.A. *The Functions of Social Conflict*. New York, Free Press, 1956. 188 p. (Russ. ed.: Coser L.A. *Funktsii sotsial'nogo konfliktika*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2000. 208 p.).

2. Kirillov A.K., Karavayeva A.G. For the Sake of Faith or for the Sake of Land? Religion as a Factor of Conflicts Between Migrants and Old Dwellers in the Course of the Great Siberian Migration (Evidence from the Ognevo Village, Biysk District). *Zhurnal Sibirskogo federal'no go universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Journal of Siberian Federal University. Humanities Sciences*, 2018, vol. 11, no. 9, pp. 1399–1411.

3. Roy B. *Some Trouble With Cows. Making Sense of Social Conflict*. Oakland, University of California Press. 1994. 256 p.

4. Roy B., Burdick J., Kriesberg L. A Conversation Between Conflict Resolution and Social Movement Scholars. *Conflict Resolution Quarterly*, 2010, vol. 27, no. 4, pp. 347–368.

5. Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. *Stolypinskiye migranty v Altaiskom okruge: pereselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya* [Stolypin Migrants in the Altai District: Migration, Land Provision, Economic and Socio-cultural Adaptation]. Barnaul, Azbuka Publ., 2013. 348 p.

6. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustroistvo v Sibiri v gody stolypinskoi agrarnoi reformy* [Resettlement and Land Management in Siberia During the Years of the Stolypin Land Reform]. Leningrad State University Publ., 1962. 588 p.

7. Stepynin V.A. *Kolonizatsiya Eniseiskoi gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of the Yenisei Province in the Era of Capitalism]. Krasnoyarsk. 565 p.

8. Tyukavkin V.G. *Velikorusskoe krest'yanstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma* [Great-Russian Peasantry and Stolypin's Agrarian Reform]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2001. 302 p.

9. Treadgold D. *The Great Siberian Migration. Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Michigan, Princeton University Press, 2016. 298 p.

10. Kirillov A.K., Karavayeva A.G., Samultseva N.N. Conflicts Between New Settlers and Old Dwellers at the Dawn of the Great Siberian Migration (1870-s–1880-s): Some Features to the Portrait of the Russian Society. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*, 2017, no. 4, pp. 44–53. (In Russian).

11. Kirillov A.K., Gordeeva M.A., Karavayeva A.G. Agricultural Common-pool Resources in the West Siberia Village: Starting Mechanism of Conflicts Between Peasant Migrants and old Dwellers in the 1870s–1890s. The Case of Antonievskaya. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 193–218 ; no. 2, pp. 359–383. (In Russian).

12. Kirillov A.K., Karavayeva A.G. Playing the Jural Game: Russian Peasants of the Early XX Century Using Legal Loopholes to Maintain Their Interests (the Confrontation Between Migrants and Old Residents at Novo-Shulbinskoye Village). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2017, no. 1, pp. 43–49. (In Russian).

13. Kirillov A.K., Karavayeva A.G. Hidden Technologies of the Great Siberian Migration: Newcomers Breaking Into the Old Residents Community (Kharlova Village Conflict of 1893). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 479–513. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).479-513. (In Russian).

14. Shilovsky M.V., Kirillov A.K., Karavaeva A.G. A Cutthroat Competition: the Sartakovo Argument over the Right for Attachment as a Case of the Peasants' Conflict of the Stolypin Time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, 2016, no. 406, pp. 169–181. (In Russian).

15. Kaufman A.A. *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri. Po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg.* [Peasant community in Siberia. According to local studies 1886–1892]. Saint Petersburg, Tsinzering A.F. Publ., 1897. 278 p.

16. Leont'ev E.V. On the registration of resettlement of Siberian peasants in the pre-reform period (based on materials from the Abakan and Novoselovskaya volosts of the Minusinsk district). In Shilovskii M.V. (ed.). *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII–nachalo XX veka)* [Class and socio-cultural transformations of the population of Asian Russia (XVII – early XX centuries)]. Novosibirsk, 2014, pp. 59–66. (In Russian).

17. Coser L. *The Functions of Social Conflict*. New York, Routledge, 2011. 188 p.

Информация об авторе

Кириллов Алексей Константинович – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1; e-mail: alkir.nsk@gmail.com. RSCI: SPIN-code: 3589-7190, AuthorID: 245716; ScopusID: 57204804407; Web of Science ResearcherID: AAE-9703-2019.

Author

Alexey K. Kirillov – Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 630090, Russia, Novosibirsk, ul. Nikolayeva, 8; Associate Professor, Humanities Institute, Novosibirsk State University, 630090, Novosibirsk, ul. Pirogova, 1; e-mail: alkir.nsk@gmail.com. RSCI: SPIN-code: 3589-7190, AuthorID: 245716; ScopusID: 57204804407; Web of Science ResearcherID: AAE-9703-2019.

Для цитирования

Кириллов А.К. Столкновения переселенцев и старожилов в Сибири накануне и в ходе стольпинского переселения: функции социального конфликта / А.К. Кириллов – DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639 // Историко-экономические исследования. – 2019. – Т. 20, № 4. – С. 625–639.

For Citation

Kirillov A.K. Clashes between Resettlers and Old-Timers in Siberia on the Eve and during the Stolypinsky Reform: Functions of Social Conflict. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2019, vol. 20, no. 4, pp. 625–639. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).625-639. (In Russian).